

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЕЛЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. И.А. БУНИНА»

**ИВАН БУНИН
В ДУХОВНО-КУЛЬТУРНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОСТИ**

**Материалы
Всероссийской научной конференции,
посвященной 80-летию вручения
Нобелевской премии писателю**

УДК 82
ББК 83.3(2=Рус)5
П 18

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина
от 19.12.2013 г., протокол № 5

Редакционная коллегия:

Е.Т. Атаманова, кандидат филологических наук, доцент
(ответственный редактор);

Н.В. Борисова, доктор филологических наук, профессор
(научный редактор);

Н.А. Трубицина, кандидат филологических наук, доцент

И 18 Иван Бунин в духовно-культурном пространстве современности: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию вручения Нобелевской премии писателю. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2014. – 269 с.
ISBN 978-5-94809-665-0

В сборнике «Иван Бунин в духовно-культурном пространстве современности» представлены материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию вручения Нобелевской премии писателю.

В центре внимания исследователей – мировоззренческие контексты творчества, художественный дискурс, фольклорно-этнографические и педагогические основы его наследия, а также особенности языка и стиля произведений.

Издание адресовано студентам-филологам, аспирантам, преподавателям вузов, учителям школ и всем, кто интересуется творчеством Нобелевского лауреата.

За содержание материалов несут ответственность авторы статей. Редакционная коллегия разделяет не все точки зрения исследователей.

УДК 82
ББК 83.3(2=Рус)5

ISBN 978-5-94809-665-0

© Елецкий государственный
университет им. И.А. Бунина, 2014

ждение высшего предназначения личности, проявление в нем образа Божьего связано со страданиями, лишениями, утратами и гибелью. Идея святости в художественном мире Б. К. Зайцева реализуется на уровне типологии героев (монашество, старчество, святость в миру), а также через взаимодействие голосов автора и персонажей.

Художественное воплощение концепции личности в эволюционирующем контексте творчества Б.К. Зайцева периода эмиграции связано с процессом воцерковления самого писателя, сопряжено с православно ориентированной его мировоззренческой парадигмой и выражает религиозное понимание жизни. Это понимание позволило Зайцеву сделать важный шаг в принятии той России, от которой он бежал: «Те, кому дано возвратиться на родину, не гордыню или заносчивость должны принести с собой. Любить не значит превозноситься. Свет Божий просторен, всем хватит места. Россия <...> должна быть терпима и *не* исключительна в будущем – исходя именно из всего своего духовного прошлого: от святых ее до великой ее литературы все говорили о скромности, милосердии, человеколюбии. <...> Истинная Россия есть страна милости, а не ненависти» [5, т. 2, с. 11-12].

Примечания

1. Гуль Р.Б. Я унес Россию: Апология эмиграции: В 3 т. – М., 2001.
2. Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. – Париж, 1958.
3. Ильин И.А. Работы разных лет. – СПб., 2005.
4. Зайцев Б.К. Собр. соч.: В 5 т. – М., 1999-2000.
5. Зайцев Б.К. Сочинения: В 3 т. – М., 1993.
6. Струве Г. Русская литература в изгнании. – СПб., 1996.

А. М. Любомудров
Санкт-Петербург

ВСТРЕЧА В ОТЕЛЕ «МАЖЕСТИК». ИЗ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЗНАКОМСТВ И. БУНИНА-ЛАУРЕАТА

В ноябре 1933 года Иван Бунин, узнав о присуждении ему Нобелевской премии, приехал из Грасса в Париж, где остановился в отеле «Мажестик». Иван Алексеевич оказался в окружении журналистов и друзей, потоком шли поздравительные письма и телеграммы. Здесь к нему пробилась симпатичная молодая женщина, представилась корреспондентом газеты «Возрождение» и взяла интервью. Имя журналистки скорее всего ничего не говорило мэтру – Надежда Городецкая.

16 ноября ее заметка «Встреча с Буниным» появилась на первой странице главной газеты русских эмигрантов, «Возрождения». А 17 ноября там же вышел еще один материал, он назывался «Бунин в “Возрождении”», и был подписан тем же именем.

Обе заметки содержат детали и штрихи, которые ускользнули от внимания биографов классика. Сегодня они, конечно, представляют интерес: ведь нам дорого все, что связано с памятью Бунина.

В первом материале Бунин рассказывает, как узнал о присуждении премии. Он пошел в кино и вдруг увидел на экране актрису Кису Куприну: «И такая хорошенькая! Вот, думаю, как Киса выросла: давно ли приехала в Париж совсем маленькой девочкой!»¹ В это время к нему подошли и сообщили, что его вызывают из Стокгольма к телефону – через несколько минут он узнал, что стал Нобелевским лауреатом. Бунин с юмором повествует, как к нему в Грасс поспешили журналисты, фотографы: «Пока разговаривали, тут же, наставили аппарат, подожгли магний – вспыхнуло. Поместили фотографию! Воротник у меня был поднят, такой вышел убийца: лицо большое, глаза вспучены: точно узнал о приговоре к смертной казни» [1, с. 1].

Находясь в Париже, Бунин заглянул в редакцию газеты «Возрождение», чтобы повидать своих собратьев-писателей. Оказавшаяся там Н. Городецкая запечатлела в подробностях, как проходил этот визит. Ее материал «И.А. Бунин в “Возрождении”» впечатляет документализмом, это как бы телевизионный репортаж, перенесенный на бумагу: мы видим движение фигур, слышим реплики, присутствуем в самой гуще событий.

Первым, кого встретил И. Бунин, оказался А. Куприн – один из самых близких Бунину людей в эмиграции. Друзья обнялись, Бунин произнес: «Милый, я не виноват. Прости. Счастье... Почему я, а не ты? Я уже и иностранцам говорил, - есть достойнейший.

- Я за тебя рад, - отвечает Куприн. – Помнишь, как мы с тобой встретились, как познакомились?»

Два писателя вспоминают о своей первой встрече. Она случилась в 1897 году в Одессе, на море: «Оба вылезли из воды, по волосам капли стекают. “Вы – Куприн?” – “А вы – Бунин?” – А тут море зеленое и все прочее». Эта дружба продолжалась четыре десятилетия.

Комната, где расположился Бунин, постепенно наполнилась сотрудниками редакции, подъехали Б.К. Зайцев с супругой, В.Ф. Ходасевич. Разговор заходит о том, как Бунин был удостоен Пушкинской премии Российской Академии наук еще в 1903 году (за сборник стихов «Листопад» и перевод «Песни о Гайавате» Лонгфелло). Он признается: «Тогда все было иное. Иначе воспринималось. Когда меня избрали академиком, помню,

¹ Куприна Ксения Александровна (1908-1982) – актриса, дочь А.И. Куприна от второго брака. Эмигрировала вместе с родителями, с 1919 по 1956 г. жила во Франции, работала манекенщицей в доме моделей Поля Пуаре, ездила с театром моды по Европе. Вернулась в Россию в 1958 г., работала в Москве, в театре им. Пушкина. Автор книги «Куприн – мой отец» (М., 1979). Основательница дома-музея Куприна у него на родине в г. Наровчат Пензенской обл.

ехал ночь, в поезде не сомкнул глаз, пил, и холодная дрожь... А теперь – спокоен».

Писателя приветствовал А.О. Гукасов – меценат, основатель и издатель газеты «Возрождение». Он заявил, что успех Бунина заставляет сейчас весь мир обратить взоры к русской литературе, а эта литература – «одна из тех основ жизни, без которых нельзя существовать и благодаря которой мы уже преодолели многие политические невзгоды и надеемся победить».

Чрезвычайно тепло встретился лауреат с В.Ф. Ходасевичем. Статья В. Ходасевича «О Бунине» появилась накануне в «Возрождении» (1933, 16 ноября). Бунин поблагодарил автора и заметил: «Вы правы, что писательство – труд. Я этого нисколько не отрицаю. И вся моя жизнь – это труд, труд усердный и каторжный».

В течение получаса Бунин общался с издателями, критиками, писателями, среди которых были А.О. Гукасов, Ю.Ф. Семенов, М.В. Бернацкий, А.И. Куприн, Б.К. Зайцев, В.Ф. Ходасевич, П.П. Муратов, А.А. Плещеев, И.С. Лукаш. Эта встреча запечатлена на известной фотографии.

Острый и наблюдательный взгляд Городецкой позволил ей точно передать фразы, настроение присутствующих. Она подмечает жест, черточки характера и Бунина, приводит его простые человеческие реплики: «Внизу И.А. долго и беспомощно искал на вешалке пальто – свое, пока еще – “не нобелевское”. По пути говорил: “Велят из Стокгольма не забыть фрака. Как это “Не забыть?” Откуда его взять, фрак? Приехал, портной снял с меня мерку, как с покойника. Неловко как-то... Грудь белая, хвосты. Но нельзя иначе, король будет принимать”.

И.А. уходит. Вряд ли удастся ему отдохнуть. Его сейчас подхватят французские журналисты. А вечером, как вчера, он, вероятно, ища покоя, станет воевать с многочисленными лампами.

- Хочу погасить свет, - рассказывает он, - хожу из комнаты в комнату, ткну в одну кнопку – горит, в другую – опять горит. Еще одна лампа. Да когда же они потухнут? Вот тебе и гордый человек, простой лампе и то не хозяин» [2, с. 1].

Так состоялись встреча знаменитого классика русской литературы и журналистки, имя которой до последнего времени оставалось почти забытым. Однако Городецкая – столь же интересная и необыкновенная фигура в истории русского литературного зарубежья, что и нобелевский лауреат. Талантливая писательница, очеркист, журналист, она играла заметную роль в культурной жизни русского Парижа.

Надежда Даниловна Городецкая (1901-1985) родилась в Москве, школьные годы провела в Гатчине. Отцом ее был книготорговец, издатель, очеркист Д.М. Городецкий, мать обладала музыкальными талантами. В 1919 году, потеряв в толпе беженцев семью, Надежда через Константино-

поль эмигрировала в Югославию, училась в Загребском университете, а в 1924 приехала во Францию.

С юности ее отличали упорное стремление к образованию, любовь к творчеству, воля к жизни. Прежде, чем получить литературный заработок, ей пришлось освоить немало профессий. Она рассказывает в автобиографической заметке: «Первый в жизни заработок: физическая работа в Югославии, на сушке медицинских растений. Второй – гонорар за маленькие рассказы на хорватском языке... В Македонии торговала овцами. В Париже: кинематографическая фигурация. Одевание для фабрики кукол. Переписка на машинке. Бухгалтерия. Кратковременное мытье посуды в русском ресторане. Прогулки с ребенком и разные мелкие случайные работы. При всем этом и назло всему этому – писала. Первый роман – брала рукопись в киностудию. Строчила в перерывах между свистками и прожекторами» [3].

Главной стезей Городецкой становится литература и журналистика. Она погружается в культурную жизнь Парижа, выступает на литературных вечерах, участвует в собраниях объединения «Кочевье», вступает в Союз молодых поэтов и писателей. За десятилетие своей парижской жизни (1924-1934) опубликовала романы «Несквозная нить», «Мара», «Изгнание детей» (на фр. языке), около сотни рассказов и очерков. Талант молодой писательницы заметили и оценили Б. Зайцев, А. Куприн, критики зарубежья М. Цетлин, П. Пильский и другие.

Темы ее беллетристики, во многом автобиографической, – любовные перипетии, драматические судьбы русских в первые годы эмиграции, ностальгия по России. Варьируется образ одинокой молодой женщины, оказавшейся в изгнании. В своих книгах Городецкая изживала трагические коллизии первых лет эмиграции. В качестве журналиста газеты «Возрождение» она в начале 1930-х годов опубликовала ряд очерков-интервью с писателями русского зарубежья, среди которых А. Куприн, А. Ремизов, М. Алданов, Б. Зайцев, В. Ходасевич, И. Шмелев, Н. Тэффи, М. Цветаева.

Но ни беллетристика, ни журналистика не давали удовлетворения ее духовным запросам. Биограф Городецкой, ее коллега и подруга Элизабет Хилл вспоминает: «Большая часть ее жизни была необычным и скрытым от посторонних глаз духовным деянием, подвигом. <...> Страдания, которые она встречала на своем пути или испытала сама, стали вехами, указывающими дорогу к духовной свободе» [4, с. 52, 54].

Искания парижского периода Городецкой все более приближали ее к христианству. Важнейшее влияние на ее мировоззрение и творческие интересы оказал архимандрит Лев (Жилле), католический священник-богослов, перешедший в 1928 г. в православие. Религиозный мыслитель, проповедник, отец Лев стал духовным отцом Надежды, от него она усвоила идеи христианского кенозиса и самоотвержения. Городецкая стала прихожанкой возглавляемого о. Львом первого французского православного

прихода в Париже и даже привлекла в него своих соратников по Франко-русской студии – Всеволода Фохта и Марсея Пеги.

Одним из учителей Городецкой был Н.А. Бердяев. На его семинарах она выступала с докладами «Спасение и творчество» и «Духовная встревоженность в современном французском романе». В архиве РГАЛИ хранится письмо Городецкой к Бердяеву 1931 года. Из него мы можем судить о ее душевном состоянии и о том духовном перевороте, что происходил с ней в эти годы. Письмо наполнено вопросами, обращенными к учителю, попытками разобраться в себе:

«Профессия же, при всем к ней уважении, всей жизни не заполняет. Ведь не могу же я, в самом деле, считать целью своей жизни писание посредственных книжек. Семья не удалась. Это все отчасти хорошо. Остается человек «сам по себе», и должен себе ответить прямо и честно, куда же ему и зачем себя пристроить. <...> И в то же время я знаю, что вера нужна. Периодически живу так, как если бы верила <...> Твердо чувствую одно: если есть в душе Бог, так и горя почти нету, и своего греха не почувствуешь, буквально рай, буквально станешь как дитя. Как к этому придти? Как сделать, чтобы Бог тебя захотел? П<отому> ч<то> если захочет – откуда угодно возьмет. Ждать платонически не могу. Пытаюсь молиться <...> Удастся слабо» [5].

Эти строки – свидетельство сильного душевного движения. Мы видим, как искренняя, совестливая и духовно чуткая женщина движется по пути к христианской истине, немалую часть которого она уже прошла.

Проблемы, которые Городецкая пыталась разрешить в беллетристике, требовали более глубокого, духовного уровня. Претворять реальность в художественный вымысел, придумывать человеческие характеры она уже не хотела и не могла. Надежда склоняется к тому, чтобы непосредственно заниматься вопросами веры, богословия, христианской практики.

С половины 1930-х годов жизненный путь Городецкой резко меняется: она покинула Францию и обосновалась в Великобритании, где ей была предоставлена возможность получить богословское образование в Бирмингеме. Защитила магистерскую и докторскую диссертации, стала первой женщиной-лектором на богословском факультете Оксфорда, затем профессором русистики Ливерпульского университета. Писала труды по истории русской церкви и русской литературы.

Монография Городецкой «Уничиженный Христос в современной русской мысли» опубликована в Лондоне в 1938 году. В этом труде она рассматривает идею кенозиса (самоуничужения) в широкой области русской жизни. Книга содержит примеры самоотречения в творчестве писателей и общественных деятелей. Городецкая показывает, что следование Христу в Его добровольном уничижении, готовность подобно Ему переживать состояния Богооставленности, властвование внешней судьбы – ха-

рактёрные черты русской психологии (как формулировал о. Сергей Булгаков, не «героизм», а «подвижничество»).

Ее докторское сочинение «Св. Тихон Задонский, вдохновитель Достоевского» (Лондон, 1951) – первый академический труд на английском языке о жизни и творениях святителя. Св. Тихон Задонский предстает в книге как образ «евангельского», деятельного святого, реформатора церковной жизни в своей епархии, стремящегося к повышению нравственного уровня во всех слоях общества через исполнение евангельских заповедей. Этот труд внес существенный вклад в изучение истории русской и православной духовности.

В 1956-1968 годах Городецкая руководила кафедрой славистики Ливерпульского университета. Возглавляла университетскую ассоциацию славистов и преподавателей русского языка, была членом Международного комитета славистов. В этом качестве она несколько раз посещала Советскую Россию и принимала в Ливерпуле советских ученых. Студенты вспоминают: на занятиях Надежда Даниловна «каждый раз открывала перед нами какой-нибудь новый, бесконечно манящий, русский горизонт – литературный, исторический, духовный» [6, с. 86].

Таков путь русской эмигрантки, современницы XX века. Он кажется внешне мене ярким, чем у многих ее соотечественниц, зато он духовно глубок.

После встречи Городецкой с Буниным осенью 1933 года пути двух писателей больше не пересекались. Но имя Бунина Городецкая не забывала в своих критических и литературоведческих работах. В 1934 году в газете «L'Intransigeant» («Непримиримый») она опубликовала заметку о переводе «Деревни» на французский язык, в которой отмечала: «Было бы излишне повторять, насколько высоки художественные достоинства этого произведения. Иван Бунин – один из редких русских авторов, которые уделяют большое внимание форме и обладают безупречным чувством меры» [7, с. 6].

В 1965 году Городецкая подготовила сборник рассказов русских писателей XX века для студентов-русистов. Наряду с именами Куприна, Толстого, Горького и Шолохова она включила в него и рассказ Бунина «Золотое дно». В кратком предисловии она так охарактеризовала творческую личность классика:

«Иван Бунин (1870-1953) принадлежал к обедневшему помещиному дворянству и все его творчество, проза или стихи, выявляет его глубокое и детальное знание сельской жизни. Он может передать поэзию пейзажа точными и скупыми словами. Как художник он никогда не поддавался влиянию текущих литературных или социальных тенденций.

Незапуганный либеральными читателями, он беспощадно изображал темноту и жестокость предреволюционной деревни («Деревня», 1910). Другой его большой темой был распад поместий, чудаковатость их по-

следних обитателей и пронзительная красота их полуразрушенных зданий и заброшенных парков.

<...> Россия была его постоянным источником вдохновения; как изгнанник во Франции он возродил знакомый российский мир в «Жизни Арсеньева» (1933), которая принесла ему Нобелевскую премию по литературе.

Его восприимчивость красоты и силы природы, жизни и любви была соединена с трагическим осознанием их преходящести. Точный в наблюдениях природы, интеллигентный без философских претензий, страстный, но сдержанный, великий мастер выразительной прозы, Бунин является великолепным стилистом» [8, IX-X].

Так расценивала талант мастера спустя три десятилетия после встречи с ним Н. Городецкая, ставшая к тому времени профессором-славистом.

Сопоставление имен двух литераторов не исчерпывается приведенными фактами. Оно может возникнуть вновь в будущих исследованиях, посвященных художественной прозе писателей, – в ней присутствует известная общность. Например, тема трагической любви, звучащая и в «Темных аллеях», и в новеллистике Городецкой, несомненно, дает основания для литературоведческих наблюдений и выводов. Возможность таких сопоставлений появилась сегодня, когда литературное наследие Н. Городецкой стало доступно российским читателям [9].

Примечания

1. Городецкая Н. Встреча с Буниным // Возрождение. – 1933. – 16 нояб.
2. Городецкая Н. И.А. Бунин в «Возрождении» // Возрождение. – 1933. – 17 нояб.
3. Молва (Варшава). – 1934. – 6 янв. – № 5.
4. Elizabeth Hill. Nadezhda Gorodetskaia: the study and the practice of kenosis // Sobornost. – 1986. – Vol. 8. – № 2.
5. Письмо Н. Городецкой к Н. Бердяеву от 18 авг. 1931 г. РГАЛИ. Ф. 1496 (Н.А. Бердяев). Оп. 1. Ед. хр. 859. Л. 4 – 4 об.
6. Хантер-Блэр-Стидуорти К. Пушкинский клуб, Пушкинский дом // Русское присутствие в Британии. – М., 2009. – С. 77-100.
7. Gorodetzky N. «Le Village» de M. Ivan Bounine, Lauréat du Prix Nobel 1933 // Intransigent. – 1934. – 29 mars. – P. 6.
8. Russian Short Stories. XX-th century. Ed. by N. Gorodetzky and J. Coulson. – Oxford, 1965.
9. Городецкая Н.Д. Остров одиночества. Роман, рассказы, очерки, письма / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.М. Любомудрова. – СПб., 2013.

Н.Д. Городецкая. 1950-е годы.

Киноактриса Киса Куприна на обложке журнала «Иллюстрированная Россия». 1936

Чествование И.А. Бунина в редакции газеты «Возрождение» после получения Нобелевской премии. Слева направо: А.И. Куприн, А.А. Плещеев, В.Ф. Ходасевич, И.А. Бунин, Э.П. Гукасов, С.П. Яблоновский, Б.К. Зайцев, И.С. Лукаш, М.В. Бернацкий, А.О. Гукасов. Париж, 16 ноября 1933 г.